

Наталья КОРНЕВА

ВЫСТРЕЛ МЕЛЬГОРСКОЙ

Хроника одного преступления

Наталья Григорьевна Корнева родилась в селе Чёрный Отрог Саракташского района Оренбургской области. Окончила факультет искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького по специальности «История искусств» и Оренбургский государственный педагогический университет по специальности «Документоведение и архивоведение». Ведущий архивист отдела публикации и научного использования документов ГБУ «Государственный архив Оренбургской области».

В прошедший Год театра на страницах оренбургских интернет-изданий и периодической печати не раз упоминалась история актрисы городского театра Мельгорской, стрелявшей в начале XX века в председателя театральной комиссии оренбургского нотариуса Пятницкого. В отличие от многочисленных легенд и мифов нашего города, обрастающих на протяжении времени новыми фактами и подробностями, история эта с момента её публикации в 1948 году в книге М.Н. Незнамова «Старейший русский театр на Урале» осталась до наших дней практически без изменений.

Изучение документов и печатных изданий Государственного архива Оренбургской области, Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской, Российской государственной библиотеки и электронного ресурса Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского позволило выявить

некоторые подробности этого театрального детектива, до сих пор хранящего множество неразгаданных тайн.

Правда или вымысел?

«В 1910 году в Оренбурге произошёл случай, который привлёк внимание всей русской театральной общественности. Председатель городской театральной комиссии нотариус Пятницкий, «меценатствуя», по существу принуждал к сожительству молодых актрис. В частности его «увлекла» актриса Е.А. Мельгорская. Пригласив её в ресторан, «меценат» пытался надругаться над актрисой. Мельгорская, схватив лежащий на столе револьвер, выпустила в Пятницкого несколько пуль и тяжело ранила его. Дело Мельгорской слушалось в Оренбургском окружном суде с участием присяжных заседателей. По поводу этого процесса «Рампа и жизнь» писала, что выстрел Мельгорской — это протест русских женщин вообще и актрис в частности против тех, кто пытается превратить храм Мельпомены в альковный застенок. Присяжные заседатели вынесли Е.А. Мельгорской оправдательный приговор», — так звучит история в книге М.Н. Незнамова.

В 1957 году эту цитату в качестве иллюстрации бесправного положения актёров в дореволюционной России использовала в издании «Чкаловский драматический театр» Е.Н. Правдухина. А в конце XX века фамилия Мельгорской

оказалась на страницах Оренбургской биографической энциклопедии. Авторы статьи об актрисе добавили к рассказу, заимствованному из предыдущих источников, одну деталь: у Мельгорской появилось имя Елена.

В этой отчасти неверно пересказанной истории достоверным является один факт. Дело по обвинению артистки в покушении на убийство председателя городской театральной комиссии Пятницкого действительно рассматривалось в 1910 году в Оренбургском окружном суде, о чём корреспондент московского театрального еженедельного журнала «Рампа и жизнь» поведал в своей статье. Однако из его публикации, а также предшествующих ей текстов в театральной периодике и оренбургских печатных изданиях следует, что преступление это произошло в Оренбурге не в 1910 году, а двумя годами ранее. Выстрел Мельгорской раздался не в ресторане, хотя случившаяся в нём «сцена домогательства» имела место быть, а в театре. И звали Мельгорскую не Елена...

Начнём с того, что в книге Незнамова были неверно указаны инициалы актрисы. По всей видимости, опечатка была допущена либо самим автором, либо машинисткой, либо при наборе текста в типографии. В списках театральных трупп и театральных рецензиях, опубликованных в периодических печатных изданиях начала XX века, а также в тексте статьи из журнала «Рампа и жизнь», на которую ссылался

Незнамов, героиня нашей истории значится как А.Е. Мельгорская. Именно так она подписывала свои обращения в прессе, либо указывала только первую букву имени — артистка А. Мельгорская.

Фамилия провинциальной актрисы также имеет в газетных и журнальных публикациях различные варианты написания — Вельгорская, Вильгборская, Мельгорская, но смысл сказанного и сопоставление фактов позволяют сделать вывод, что речь в них идёт об одном и том же человеке. К тому же с большой долей вероятности можно утверждать, что Мельгорская — сценический псевдоним артистки. Но обо всём по порядку. Практически каждый из участников этого происшествия удостоится нашего внимания.

Пятницкий

Потомственный дворянин Михаил Петрович Пятницкий родился 24 декабря 1863 года в Смоленске. Из личного дела М.П. Пятницкого узнаём, что после окончания курса в Рижском пехотном юнкерском училище по второму разряду он служил в третьем пехотном Нарвском полку, был произведён в подпоручики, затем зачислен в запас армии и в 1892 году определён нотариусом Смоленского окружного суда по городу Рославлю.

В апреле 1894 года, узнав о вакансии на должность нотариуса в Оренбурге, Пятницкий обратился в Смоленский окружной суд с прошением о переводе в

наш город. В результате устных и письменных испытаний познания Пятницкого «в умении правильно излагать акты и в знании форм нотариального делопроизводства и необходимых для исполнения этой должности законов» были признаны комиссией Оренбургского окружного суда «очень хорошими». Вместе с Пятницким в Оренбург прибыли его жена Агриппина Ильинична и четырёхлетний сын Георгий. В начале июля, получив свидетельство «на право использования мастичной и сургучной печатей по должности нотариуса», нотариальные, актовые книги и реестры, Пятницкий приступил к исполнению своих обязанностей.

Контора нотариуса Пятницкого в Оренбурге находилась на Троицкой улице: первоначально «в доме Богачёва под Биржевой гостиницей», спустя два года в доме оренбургского купца Путолова, а через пять лет службы Михаил Петрович приобрёл на этой улице собственный дом. В городской усадьбе разместилась и нотариальная контора, на службе в которой состояли трое писцов и один посыльный. Вместе с семьёй Пятницких и прислугой в доме проживал его служащий Андрей Макарьевич Мирошниченко, исполняющий обязанности нотариуса в его отсутствие. Пятницкий часто выезжал из Оренбурга по долгу службы и несколько раз в год проводил свой отпуск в «разных местах Российской империи»: в Москве, Севастополе, в своём родовом поместье в Смоленской

губернии, в Полтавской губернии на родине жены, каждое лето отдыхал в Таврической губернии на побережье Чёрного моря.

О деятельности М.П. Пятницкого на общественном поприще свидетельствуют факты, изложенные на страницах Адресов-календарей и Памятных книжек Оренбургской губернии. С 1901 по 1904 годы нотариус вместе с женой были членами Оренбургского правления воинского благотворительного общества Белого Креста. На протяжении многих лет Пятницкий состоял гласным Оренбургской городской думы, где избирался почётным членом губернского попечительства детских приютов, членом попечительного совета I-й женской гимназии, казначеем комитета Оренбургского общества вспомоществования бедным, членом ревизионной комиссии Оренбургского местного управления Российского общества Красного Креста, членом больничной комиссии при городской Александровской больнице. В 1905 году Пятницкого избрали членом театральной комиссии.

За год до рокового выстрела в ноябре 1907 года председатель Оренбургского окружного суда П.А. Башкиров выступил с предложением о представлении нотариуса окружного суда по городу Оренбургу М.П. Пятницкого к награде «за прослуженные 12-ти лет сряду в настоящей должности». В речи председателя отмечалось, что за всё время своего служения Пятницкий «при хороших нравственных качествах»

отличался «аккуратным и добро-совестным исполнением своих служебных обязанностей, под судом и следствием не состоял и никаким штрафам и взысканиям не подвергался», а посему «вполне приобрёл право на получение ордена Св. Анны 3-й степени».

Театральная комиссия

Оренбургская театральная комиссия была создана 22 сентября 1905 года решением городской думы «для надзора за театральным делом». Членами комиссии были избраны думские гласные М.М. Хилинский, М.П. Пятницкий, В.А. Воскресенский, Н.И. Мышковский, А.И. Лебедев, И.В. Путолов, о чём «Оренбургская газета» известила жителей города на страницах своего издания, отметив, что «комиссия первым долгом возбуждает вопрос о предоставлении ей постоянной бесплатной ложи».

Избрав своим председателем М.П. Пятницкого, члены комиссии разработали проект инструкции «по заведыванию Оренбургским городским театром» на примере инструкций для театральных комиссий театров Нижнего Новгорода и Самары. В январе 1906 года этот проект был представлен в городскую управу и после внесённых управой изменений и дополнений утверждён оренбургской городской думой.

На театральную комиссию возлагались обязанности управления зданием и имуществом городского театра, составление договоров

с арендаторами, «наблюдение за точным и неуклонным исполнением арендатором всех принятых им по договору обязанностей — как в материальном, так и в репертуарном отношении», и принятие всех мер к улучшению театрального дела.

Свой первый договор о сдаче театра в аренду на зимний сезон 1906/1907 года комиссия под председательством М.П. Пятницкого заключила с антрепренёром Зинаидой Малиновской, снимавшей здание театра в предыдущем сезоне. Театральные рецензенты отмечали чрезмерную расчётливость её антрепризы, выражавшейся в сокращении окладов актёрам и «понижении их до той цифры, при которой нет возможности сыскать хороших актёров на некоторые амплуа», поэтому труппа имела актёров «крайне сомнительного артистического дарования». Но, тем не менее, городская дума продлила договор с Малиновской ещё на год до Великого поста 1908 года. Члены театральной комиссии обязали Малиновскую к будущему сезону «доставить артистов, пользующихся репутацией солидных провинциальных актёров», оставив за комиссией право «после первых трёх выходов артиста на сцену, если игра такового оказывается неудовлетворительной, заменить его другим, талантливым».

Подобное право замены актёров и другие «права» членов театральных комиссий в отношении провинциальных актёров вызвали возмущение театральной

общественности. На «фальшивую и опасную роль так называемых городских театральных комиссий, учреждаемых при городских думах и присваивающих себе функции музыкально-драматической коллегии рецензентов», не раз обращалось внимание авторов публикаций в столичной театральной прессе, обличающих несведущих в искусстве думских заседателей: «...Господа толстосумы, не имеющие к искусству решительно никакого отношения, делают вдруг тонкими знатоками и командуют вовсю. Вчерашние лавочники и лабазники, мирно отрезающие купончики, стали на сегодня и режиссёрами, и художниками, отстраняя одних артистов и приглашая других, пропуская одни пьесы и отвергая другие...».

Ещё одна проблема, «имеющая значение и для Оренбурга», была обозначена в декабре 1906 года на страницах «Оренбургской газеты» в заметке «Борьба с развратом». Департамент полиции министерства внутренних дел Российской империи предложил градоначальникам и губернаторам сделать распоряжение о том, чтобы «чины полиции самым решительным образом следили за деятельностью антрепренёров разных увеселительных предприятий, являющихся главными рассадниками и первоисточниками проституции, и наблюдали за тем, чтобы антрепренёры не заставляли артисток ужинать и вообще кутить с посетителями, не допускали общения публики с ними

во время представлений и репетиций». Полиции вменялось в обязанность «не потворствовать возмутительной деятельности лиц, занимающихся сводничеством и торговлей женщинами под флагом поощрения искусства, и привлекать к ответственности антрепренёров, не исполняющих требований полиции». К слову сказать, во время судебного процесса по делу Мельгорской подобные обвинения были озвучены в адрес антрепренёра Оренбургского городского театра Г.Ф. Эстеррейха, а вернее, «четыре Эстеррейха, державших при Мельгорской театр и труппу».

Эстеррейх

Выпускник московской консерватории, свободный художник Георгий Францевич Эстеррейх прибыл в Оренбург 2 июня 1893 года «для обучения музыкантского хора Оренбургского казачьего войска» и через месяц возглавил казачий оркестр, став его бессменным руководителем на долгие годы. Корреспондент газеты «Оренбургский край» отметил первое выступление оркестра с новым капельмейстером в августе 1893 года и «плодотворное направление труда г. Эстеррейха в усовершенствовании оркестра, поступившего под его начало в неприглядном состоянии».

В январе 1894 года, находясь в отпуске в Москве, Г.Ф. Эстеррейх обвенчался с шестнадцатилетней девицей дворянского происхождения Ольгой Эдуардовной

Иваньской и вернулся вместе с ней в Оренбург, продолжив обучение игре на музыкальных инструментах казаков, состоявших в оркестре при Оренбургском казачьем войске.

Уровень исполнительского мастерства оркестрантов повышался с каждым годом, в репертуаре оркестра, помимо маршей и лёгких пьес, появлялись сложные произведения. Оренбургская публика, не привыкшая к звучанию симфонической музыки, всё реже и реже выказывала свой «невежественный взгляд». Симфонические концерты со временем нашли отклик в среде местной интеллигенции и стали популярными благодаря стараниям талантливому капельмейстеру. На концертах Оренбургского музыкально-драматического общества Г.Ф. Эстеррейх играл в составе струнного квартета и солировал в качестве скрипача. Педагогический талант музыканта проявился во время его службы штатным учителем искусств в Неплюевском кадетском корпусе и преподавателем по классу скрипки в частной музыкальной школе О.С. Федотовой.

Но семейная жизнь Георгия Эстеррейха не задалась. Через двенадцать лет после венчания Ольга Эдуардовна Эстеррейх, «убедившись вполне в нарушении супружеской верности супруга», отправила в Оренбургскую духовную консисторию прошение о расторжении брака, поручив ведение бракоразводного дела присяжному поверенному Е.М.

Городискому. Из показаний свидетелей следовало, что супруги Эстеррейх не жили совместно три года, Эстеррейх проживал в квартире с актрисой Екатериной Александровной, фамилия которой была им незнакома. На состоявшемся 20 сентября 1906 года судебном заседании ответчик признал себя виновным в прелюбодеянии. На пастырские увещания «остаться в неуклонном пребывании в брачном союзе» оба супруга выразили своё несогласие. Брак был расторгнут «с дозволением истице, имеющей ещё молодые /28/ лета, вступить в новый второй брак» и «с запрещением ответчику вступать в новый второй брак ранее трёх лет».

Сведения о последующем браке Г.Ф. Эстеррейха в фондах Государственного архива Оренбургской области на сегодняшний день не выявлены. Но, вероятнее всего, его второй женой, принимавшей участие в антрепренёрской деятельности супруга и фигурирующей в деле Мельгорской, стала та самая актриса Екатерина Александровна. В архивных документах Императорского Русского театрального общества Екатерина Александровна Эстеррейх значится как доверенное лицо антрепренёра Георгия Францевича Эстеррейха.

Антреприза Эстеррейха

Через год после официально расторжения брака, утверждённого Синодом, Г.Ф. Эстеррейх обратился в Оренбургскую

городскую думу с прошением о сдаче ему в аренду городского театра. Театральным завсегдатаем Эстеррейх был знаком как капельмейстер казачьего оркестра, исполнявшего музыкальные произведения во время антрактов в городском театре, и по многочисленным бенефисам «могучего музыкального гения», всегда встречаемого оренбургской публикой «в высшей степени помпезно и любезно».

В январе 1908 года в Оренбургскую городскую думу поступило тринадцать заявлений антрепренёров об аренде театра. По заключению председателя театральной комиссии М.П. Пятницкого, дума определила сдать городской театр с Великого поста 1908 года по Великий пост 1910 года коллежскому советнику Г.Ф. Эстеррейху, «с правом города отобрать театр по истечении первого театрального сезона в случае неудовлетворительного ведения дел».

Открытие зимнего театрального сезона под управлением дирекции Эстеррейха состоялось 26 сентября 1908 года. В восемь часов вечера в городском театре была поставлена комедия в 4-х действиях по пьесе В. Рышкова «Казённая квартира». Оценивая исполнительское мастерство труппы, рецензент «Оренбургской газеты» отметил, что «многие мизансцены были рассчитаны на грубые вкусы», а «кунштюки» артистов во время спектакля «едва ли уместны вообще на сцене», но вместе с тем подчеркнул, что «некоторые исполнители были на высоте» и

обстановка в театре была «очень хороша».

Особым расположением публики на протяжении всего театрального сезона пользовались артисты В.Д. Муравлёв-Свирский (герой-резонёр), А.В. Горский (любовник-простак), Н.В. Гурко (драматический любовник-фат), В.В. Истомин-Кастровский (простак-неврастеник), Я.М. Любин (комик), М.Л. Массин (драматические и характерные роли). Из женского состава труппы рецензенты обращали внимание на актёрское мастерство гранд-дамы М.А. Волынской, героини Н.Ф. Сербской, исполнительницы ярких характерных и драматических ролей Е.В. Горской. Наряду с именами премьеров труппы, на страницах местной прессы упоминалась и фамилия А.Е. Мельгорской.

Мельгорская

Одним из первых мест службы артистки, вероятнее всего, был Виленский городской театр, снятый в аренду провинциальным антрепренёром П.П. Струйским на зимний сезон 1902/1903 года. В составе его труппы А.Е. Мельгорская значилась на вторых ролях в амплу инженеру — наивной молодой девушки.

Летний театральный сезон 1903 года она играла в труппе под управлением Георгия Адельгейма в Нежине, выезжая на гастроли в ближайшие города Черниговской губернии. В Новгороде-Северском «красивая молодая артистка» го-спожа Мельгорская обратила на

себя внимание публики в спектакле по пьесе Г. Ге «Трильби», где исполняла главную женскую роль и «удачно с ней справилась».

До приезда в Оренбург Мельгорская выступала на сценах театров провинциальных поволжских городов, а в перерывах между сезонами «бывала наездом в Киеве», видимо, своём родном городе, где она окончила местную гимназию и драматическое училище. Театральный рецензент, хорошо знавший Мельгорскую по Киеву, утверждал, что «эффектная, миловидная, даровитая артистка пользовалась успехом и на сцене, и в жизни, где имела немало поклонников».

Перед оренбургской публикой Мельгорская предстала в октябре 1908 года в амплу кокет, подразумевающим исполнении ролей «красивых, изящных, задорных молодых женщин». Местная пресса отметила выход артистки на сцену городского театра в драме Ф. Фальковского «В огне», где Мельгорская «искренне и с большим чувством провела небольшую роль Марии». 7 октября рецензент «Оренбургской газеты», анонсируя спектакль по пьесе Н. Жуковской «Дети», подчеркнул, что интерес к этой пьесе увеличивается появлением на сцене «впервые приглашённой на дальнейший сезон г-жи Мельгорской».

12 октября в пьесе В. Немировича-Данченко «Цена жизни» актриса была «эффектной и кокетливой Клавдией», 6 ноября в пьесе Г. Жулавского «Июль, или Под властью луны» — «эффектным

пажом». А через неделю Мельгорская фигурировала в криминальной хронике на страницах оренбургской и российской прессы в новом для себя «амплуа».

Драма в театре

Вечером 14 ноября 1908 года в городском театре шёл спектакль по пьесе Е. Чирикова «Белая ворона». Во время антракта, когда многочисленная публика заполнила коридоры и фойе, раздался глухой выстрел, которым оказался тяжело ранен председатель театральной комиссии нотариус М.П. Пятницкий. Подробности этого происшествия, опубликованные через два дня на страницах «Оренбургской газеты», вероятнее всего, были взяты из полицейских протоколов. Заметка «Драма в театре» и по сей день остаётся единственным подробным источником информации об этом преступлении, поскольку дело по обвинению артистки в фонде Оренбургского окружного суда областного архива не сохранилось.

Итак... Пуля настигла Пятницкого, когда тот поднимался по лестнице бокового прохода в верхний этаж. За ним следовали артистки труппы городского театра Истомина и Мельгорская. В муфте Мельгорской был спрятан револьвер «большого калибра» системы «Смит и Вессон». Подойдя к Пятницкому на расстояние трёх-четырёх шагов, Мельгорская, не вынимая револьвера из муфты, спустила

курок. Пуля попала в спину Пятницкому, в правую лопатку, пробила лёгкое и застряла между рёбрами. Мельгорская бросила загоревшуюся муфту с револьвером на пол, артистка Истомина упала от волнения в обморок. «Домой!» — произнёс потерпевший, которого поддержала не давшая ему упасть публика.

Пятницкому принесли шубу из ложи театральной комиссии и отвезли домой, где старший врач Александровской больницы А.К. Войцехович оказал ему первую медицинскую помощь, констатируя «серьёзное поранение» и возможность внутреннего кровоизлияния, «так как в момент ранения крови снаружи совершенно не оказалось». На вопрос председателю театральной комиссии, не знает ли он причины покушения на свою жизнь, потерпевший ответил с расстановкой: «Не знаю». В рапорте Пятницкого от 14 ноября 1908 года также ни слова не говорилось об этом происшествии: «Не имея возможности по случаю болезни лично исполнять должность нотариуса, имею честь поручить исполнение моей должности крестьянину А.М. Мирошниченко, за моей имущественной ответственностью, подписку которого о согласии при сём представляю».

Мельгорская была сразу же арестована и отправлена в помещение полиции 1-й части города, где содержалась до освобождения. Первоначальный допрос обвиняемой следователем и прокурорским надзором длился до трёх часов утра.

19 ноября в хронике «Оренбургской газеты» появилось известие о том, что Мельгорская была «выпущена на поруки купцу Ш». Фамилия таинственного покровителя нашей «кокетки» пока остаётся неизвестной, а благосклонность к ней полицейского начальства, в частности городского полицмейстера С.А. Быбина, может быть объяснима: знавшие его прежде как театрального агента уверяли, что Быбин отличался от других чиновников «любовью к театру и пониманием его задач».

О состоянии здоровья Пятницкого жители города узнали 20 ноября. В прессе сообщили, что нотариус поправляется, а для извлечения пули ему будет выпишан хирург из Самары. На протяжении двух последующих лет об этом происшествии на страницах оренбургских газет больше никто не вспоминал.

Любовь или ненависть?

А на страницах театральной прессы до конца ноября 1908 года, с подачи «телеграфирующих» из Оренбурга, сообщалось, что Мельгорская стреляла в Пятницкого «на почве ревности» и что «в городе говорят о романтической подкладке преступления». Возмущённая подобными слухами артистка обратилась к своему давнему знакомому киевскому присяжному поверенному М.Я. Френкелю с просьбой опровергнуть кривотолки и встать на её защиту.

В своём письме, отправленном из Киева 17 декабря 1908 года, М.Я. Френкель заверил театральную прессу, что артистка «во имя правды, от которой она никогда не отступала, утверждает, что стреляла в г. Пятницкого, доведённая до этого его грубым и непристойным поведением». Этот выстрел, по её словам, не имел ничего общего ни с ревностью, ни с любовью, а явился «результатом глубокого и грубого оскорбления, нанесённого ей как женщине и человеку».

К тому же в своём обращении присяжный поверенный напомнил читателям, что Пятницкий, по словам знающих его людей, «неоднократно доводил своих знакомых до подобных эксцессов более чем своеобразной манерой поведения». Артистки городского театра, как могли, спасались от «джентльментства» Пятницкого — «одна бросила в него горячей лампой, а другая бросила ему в лицо стакан вина». Возмущённый поведением Пятницкого и его «отношением к женскому персоналу» актёр Л., игравший в труппе театра в предыдущем сезоне, даже бил председателя театральной комиссии гитарой по голове. Об этом скандальном происшествии рассказывал ранее и театральный рецензент, знавший Пятницкого как «типичного театрального поклонника с лицом сатира», всегда сидевшего в первом ряду, а во время антракта находившегося за кулисами. История эта наделала много шума в Оренбурге. Местная общественность по окончании

театрального сезона подарила актёру Л. новую дорогую гитару на память.

Резюмируя сказанное, прищажный поверенный М.Я. Френкель ещё раз акцентировал внимание читателей на том, что лично знает Мельгорскую очень давно и «привык верить ей как правдивому человеку и ценить её как талантливую артистку».

1909 год

Вернувшись из Оренбурга в Киев, Мельгорская вновь оказалась в центре скандала, на сей раз в труппе известного театрального антрепренёра и актёра И.Э. Дуван-Торцова. В феврале 1909 года её имя появилось на афише спектакля по пьесе М. Метерлинка «Синяя птица», в котором она исполняла роль Души Света. Спектакль был поставлен на сцене русского драматического театра «Соловцов» в Киеве молодым режиссёром Константином Марджановым, творческие методы которого и экспрессивная манера поведения не раз вызвали полемику на страницах театральной прессы. В апреле 1909 года «артистка А. Мельгорская» отправила в редакцию журнала «Театр и искусство» письмо с призывом «внести в актёрскую среду побольше деликатности и корректности в обращении господ режиссёров как с актёрами, так и с рабочим людом кулис».

Начав своё обращение с просьбы «поместить ещё одну страничку,

характеризующую манеры и приёмы г. Марджанова», Мельгорская охарактеризовала себя как «скромную, молодую работницу сцены, обладающую несчастным свойством: одним своим независимым видом вызывать раздражение во властных режиссёрах склада Марджанова». И далее сетовала на то, что «возбудила в г. Марджанове крайнее нерасположение к себе», а возникшую антипатию к режиссёру объясняла его «мелкими придирками, грубым тоном, заносчивостью и дикими сценами», доходившими до рукоприкладства Марджанова «к физиономиям рабочих» за кулисами театра. По этим причинам Мельгорской пришлось во время гастрольной поездки «бросить службу у Дуван-Торцова».

Однако сослуживцы Мельгорской и Марджанова, «не вдаваясь в подробности, кто прав, кто виноват», указали на «фактическую сторону дела», послужившую поводом её ухода из труппы: оказалось, что Мельгорская несколько раз опаздывала к своему выходу в спектакле, отсутствуя однажды на сцене, и приходила в театр позже назначенного режиссёром времени, игнорируя установленные им для всех артистов правила. Марджанов заявил о невозможности для него работать с Мельгорской, и роль её была передана другой артистке.

Прочитав ответ своих коллег, Мельгорская снова «взялась за перо» и призналась, что «действительно раза два опоздала, но

не к выходу своему, а к началу спектакля, за что и была оштрафована». Но «эти преступления были маловажны», поскольку она снова получила приглашение в театр и служила «до конца этой печальной поездки», проведя всё лето 1909 года на гастролях в Харькове, Ростове, Одессе, Новочеркасске, Таганроге, Кишинёве и Константинополе.

Осенью 1909 года Мельгорская оказалась в составе труппы Н.Д. Лебедева в Херсонском городском театре, отметившем 30 сентября свой двадцатилетний юбилей. По словам местного рецензента, в спектакле, шедшем на сцене театра в этот день, приняли участие почти все «первачи» труппы «с давно упрочившейся репутацией», среди которых была упомянута и «отчасти пользующаяся», наряду с другими, «наибольшим и вполне заслуженным успехом» артистка Мельгорская. Однако через месяц тот же рецензент с сожалением констатировал, что «слухи о достоинствах госпожи А.Е. Мельгорской, занимающей в труппе довольно ответственное амплуа кокет, сильно преувеличены».

Пятницкий же приступил к своим обязанностям через три месяца после ранения в феврале 1909 года, а в середине марта попросил отпуск в Таврическую губернию «для поправления здоровья» и продлевал этот отпуск до конца осени телеграммами из Севастополя и Санкт-Петербурга,

заручившись свидетельством петербургских врачей «о необходимости пользования южным климатом». Вернувшись в Оренбург, он «вступил в отправление своих обязанностей» 10 ноября, а в декабре 1909 года получил грамоту на Всемиловейше пожалованный орден Святой Анны 3-й степени и орденский знак.

1910 год

Новый год начался для Пятницкого с приятных событий. О былых заслугах нотариуса вспомнили оренбургский губернатор и его супруга. Председательница комитета оренбургского общества вспомоществования бедным А.Ф. Ожаровская обратилась 21 января в Оренбургский окружной суд с просьбой представить копии послужного списка казначея общества нотариуса М.П. Пятницкого для представления его к награде. С той же просьбой в суд обратился генерал-лейтенант В.Ф. Ожаровский, председатель Оренбургского губернского попечительства детских приютов, в котором М.П. Пятницкий также состоял казначеем.

Далее из документов личного дела Пятницкого следует, что две недели в апреле он провёл на родине в Смоленске, а затем подал прошение об отпуске на всё лето в Севастополе. Однако отдых на побережье Чёрного моря омрачился для Пятницкого сначала болезнью сына, у которого доктора

обнаружили «запущенный туберкулёз, осложнённый воспалением лёгких», и признали его положение опасным, а затем болезнью жены.

Телеграммы из Севастополя следовали одна за другой. Возвращение нотариуса в Оренбург откладывалось несколько раз, поскольку «оставить жену нельзя, взять также». Но на последнюю из телеграмм (с прошением продлить отпуск до 4 января будущего 1911 года по причине уже собственной болезни) Пятницкий получил ответ председателя Оренбургского окружного суда: «Отсутствовать больше нельзя. Отсрочки отпуска не разрешаю». Несмотря на категоричный отказ, он вновь отправил рапорт с той же просьбой, приложив к нему свидетельство, заверенное подписью и печатью севастопольского врача К.И. Деметриадеса, в котором говорилось, что потомственный дворянин М.П. Пятницкий действительно не может в течение 20 дней выходить из дому по причине болезни — инфлюэнцы и острого инфекционного воспаления желудка.

Рапорт был принят к сведению, о чём Пятницкого уведомили 17 декабря 1910 года. Так бывший председатель театральной комиссии избежал участия «в известном широком слоям населения» деле артистки Мельгорской, назначенном к слушанию в декабрьскую сессию Оренбургского окружного суда, о котором он наверняка был официально извещён...

Мельгорская же осенью 1910 года пребывала в новом для себя качестве: вместе с антрепренёром А.А. Левицким она возглавила труппу актёров в Ташкенте, арендовав здание местного театра, однако не смогла окупить вложенные в это предприятие средства и, более того, завершить антрепризу без долгов актёрам. «Когда дела пошли скверно», Мельгорская и Левицкий «преспокойным образом бросили привезённую ими труппу на произвол судьбы».

Левицкий безуспешно пытался объяснить их с Мельгорской отъезд якобы обоюдной договорённостью с актёрами о прекращении спектаклей «ввиду плохих сборов». По его словам, деньги от спектаклей, сыгранных в пользу труппы, были в равных частях поделены между актёрами, а Мельгорская весь сбор с гарантированного ей бенефиса отдала труппе на выезд. Однако в скором времени один из артистов сообщил читателям журнала «Театр и искусство», что слова антрепренёра не соответствуют действительности: Левицкий и Мельгорская отказались платить жалованье актёрам, несмотря на их требования, и покинули Ташкент, задолжав труппе крупную сумму.

Руки прочь, господа Пятницкие!

На страницах «Оренбургской газеты» о Мельгорской вспомнили в начале ноября 1910 года,

уведомив жителей города о предстоящем в декабре судебном заседании. А в конце ноября журнал «Рампа и жизнь» опубликовал статью «На суд совести» известного впоследствии историка театра Юрия Соболева. В 1910 году он являлся членом редакции журнала, выступая на его страницах в качестве театрального рецензента и автора полемических статей о бесправном положении в театре женщин-актрис.

Соболев напомнил читателям «протокольную картину тяжёлой драмы, приведшей Мельгорскую на скамью подсудимых», пытаясь «вскрыть мотивы, которыми руководствовалась обвиняемая, идя на своё страшное дело», и пришёл к выводу, что «преступление г-жи Мельгорской было вызвано тем невыносимо тяжёлым положением, в которое артистка была поставлена г. Пятницким».

Оказалось, что в начале театрального сезона артистке не давали ролей, «её затирали». Пытаясь узнать истинные причины подобного к ней отношения, Мельгорская получила ответ: «Вы не знакомы с господином председателем театральной комиссии — познакомьтесь, вот и роли будут». После знакомства с Пятницким последовали роли, а затем приглашение в ресторан, где Пятницкий «сделал гнусную попытку изнасиловать г-жу Мельгорскую». Оскорблённая актриса, прервав всякие отношения с Пятницким, снова лишилась ролей и, оказавшись в «слишком

тягостном моральном состоянии», решила мстить...

Характеризуя эту историю как вполне обычную, автор статьи печально констатировал, что «ни один театральный сезон не оканчивается без того, чтобы господа из комиссий не проявили желание стать ценителями и судьями артистов, всячески доказывая свою власть и своё самодурство». Обвиняя общество в равнодушии к унижительному положению женщин на сцене, Соболев назвал выстрел Мельгорской «криком отчаяния» и «криком наболевшей души», выразив надежду, что артистка предстанет перед судом на скамье подсудимых и сойдёт с неё оправданной, а «судьи совести» скажут вместе с тем: «Прочь, сластолюбцы и пошляки, ваши руки... Не смейте прикасаться, грязные и низкие, к тем, кто отдаёт чистую душу своему великому делу — своему призванию служить искусству! Руки прочь, господа Пятницкие!»

Процесс Мельгорской

О судебном процессе по делу артистки Мельгорской в 1910 году «Оренбургская газета» опубликовала всего лишь две небольшие заметки. В одной из них была названа дата заседания суда — 21 декабря, а в другой сообщалось, что в этот день дело Мельгорской разбиралось при закрытых дверях, что обвиняемую в посягательстве на жизнь нотариуса Пятницкого защищал местный присяжный

поверенный Н.Л. Мандельштам и что артистке вынесен оправдательный приговор.

9 января 1911 года о процессе Мельгорской на страницах журнала «Рампа и жизнь» рассказал корреспондент Исаак Туркельтауб, приглашённый на судебное заседание по просьбе А.Е. Мельгорской. Из статьи Туркельтауба следовало, что дело слушалось при закрытых дверях «по настоянию обвинительной власти, взявшей под своё покровительство г. Пятницкого», для которого оглашение судебного приговора было бы «разумеется, неприятно», и что детали этого дела, представляющие «громадный интерес» и освещающие «отношение власть имущих в театральном мире к «чайкам», забредшим в глухую провинцию», переданы быть не могут.

Однако автор всё же позволил себе вольное изложение некоторых подробностей, прозвучавших в суде. По его мнению, в результате слушания дела выяснилось, «в каких грязных руках находилось, да ещё находится театральное дело в городе». Процесс осветил также «и ту гнусную роль», которую играла в этом деле чета Эстеррейх, «угощая» членов театральной комиссии «специально выписанными для неё артистками».

Что же касается Пятницкого, то, по словам одного из свидетелей, власть председателя театральной комиссии «простиралась до того, что он даже бил артисток, и те, боясь потерять кусок хлеба и

роли, трусливо молчали», но «со стороны Мельгорской, которой Пятницкий захотел овладеть так же, как и другими артистками, сластолюбивый нотариус встретил должный отпор». Как отметил в своей речи присяжный поверенный Н.Л. Мандельштам, «своим выстрелом Мельгорская отомстила Пятницкому за всех его жертв».

Далее автор сокрушался, что лишён возможности «воспроизвести сценку, разыгравшуюся в отдельном кабинете ресторана, где Пятницкий пытался привести свой замысел в исполнение», уверяя, что «читатель может себе представить, насколько подлы были притязания пошлого нотариуса, если артистка решилась на убийство».

Отсутствие Пятницкого на судебном процессе Туркельтауб объяснил тем, что тяжело раненный выстрелом «проученный павиан» боялся вручения в городе повестки о вызове в суд и скрывался, «разъезжая по заграничным и русским курортам».

В завершение статьи автор привёл слова Н.Л. Мандельштама о том, что «выстрел Мельгорской есть протест всех русских женщин вообще и артисток в особенности против насилия мужчин». Именно так звучит цитата в журнале «Рампа и жизнь», на которую ссылался М.Н. Незнамов в своей книге в 1948 году, заменив словосочетание «против насилия мужчин», видимо, более приемлемым для своего времени смысловым оборотом «против тех, кто

пытается превратить храм Мельпомены в альковный застенок». Присяжные заседатели оправдали А.Е. Мельгорскую. Другого приговора, по словам Туркельтауба, и не могло быть, ведь «артистке за свой протест грозили в лучшем случае четыре года каторжных работ».

После суда

Весь январь 1911 года на страницах театральных журналов не прекращалась полемика, вызванная статьёй Туркельтауба. Антрепренёр оренбургского городского театра статский советник Г.Ф. Эстеррейх обвинял корреспондента «в гнусных и заведомо ложных утверждениях» в свой адрес и в адрес своей жены, пообещав преследовать автора статьи судом за возмутительную клевету. Актёры, служившие в антрепризе Эстеррейха и вставшие на его защиту, уверяли читателей, что ничего подобного в театре никогда не происходило. Туркельтауб заявил в ответ о своей готовности к услугам правосудия и уверенности в том, что только гласный суд в состоянии полно и ярко осветить роль супругов Эстеррейх в деле, заставившем Мельгорскую стрелять в Пятницкого.

Ещё два театральных сезона Эстеррейх возглавлял труппу Оренбургского городского театра, пробуя свои силы и в режиссуре. По окончании антрепризы он устроил в 1913 году прощальный

бенефис, изъявив между тем желание, наряду с другими антрепренёрами, арендовать на будущий сезон театр Ф.Г. Волкова в Ярославле. Но, оставаясь, как и прежде, дирижёром казачьего оркестра, Г.Ф. Эстеррейх продолжал службу в оренбургском Неплюевском кадетском корпусе.

Бывший сотрудник «Оренбургской газеты» и корреспондент журнала «Рампа и жизнь» И.С. Туркельтауб стал известен в дальнейшем на поприще театральной и литературной критики. После революции 1917 года его деятельность оказалась связана с Харьковом, где он возглавлял редакцию газеты «Заря», в 1919 году был назначен заместителем председателя Всеукраинского театрального комитета, а позднее состоял на должности профессора в Харьковском театральном техникуме.

Адвокат Мельгорской Л.Н. Мандельштам до 1915 года служил в Оренбургском окружном суде. Причина, по которой саратовский присяжный поверенный и в прошлом успешный оперный антрепренёр Л.Н. Мандельштам-Вронский оказался в нашем городе, остаётся неизвестной.

Нотариус М.П. Пятницкий, вернувшись в Оренбург из Севастополя в январе 1911 года, бывал здесь на протяжении последующих двух лет краткосрочными наездами. Климат Оренбурга в жаркие летние дни, по заключению консилиума оренбургских врачей, оказывал

слишком разрушительное влияние на состояние его здоровья: болезни Пятницкого беспрестанно множились и прогрессировали на фоне тяжёлого ранения. В 1912 году, получив разрешение департамента министерства юстиции на заграничный отпуск, Пятницкий находился несколько месяцев на лечении в швейцарском городе Давосе, где был прооперирован в клинике доктора медицины В. Ванштейна «по поводу туберкулёза обоих лёгких».

Вернувшись из Швейцарии, Михаил Петрович Пятницкий приступил к исполнению своих обязанностей 17 ноября, о чём уведомил рапортом председателя Оренбургского окружного суда, а 29 ноября 1912 года в 8 часов вечера скончался от продолжительной чахотки в собственном доме на улице Троицкой. Здание городской усадьбы М.П. Пятницкого, ставшее свидетелем этой трагичной для его владельца истории, сохранилось до наших дней и располагается ныне в Оренбурге на улице Кобозева, 39.

Анна Калиновская-Мельгорская

После оправдательного приговора героиня нашего детектива оказалась вновь вовлечённой в антрепренёрскую деятельность. В начале 1911 года А.Е. Мельгорская вместе с А.А. Левицким возглавляла дирекцию оперетты в московском театре «Буфф» но, по всей видимости, не принимала должного участия в делах труппы.

Находясь в Киеве, она обратилась в редакцию журнала «Театр и искусство» с официальным заявлением. Объяснив читателям, что антреприза «ведётся фактически целиком А.А. Левицким за его ответственностью», артистка уведомила театральную общественность, что с 8 марта 1911 года «совершенно порвала с этим делом всякую связь».

Своё обращение Мельгорская подписала как А.Е. Калиновская-Мельгорская, что послужило ключом к разгадке её настоящих имени и фамилии. В декабре 1910 года на страницах «Оренбургских губернских ведомостей» был опубликован список «О делах, назначенных к слушанию в публичных заседаниях уголовного отделения Оренбургского окружного суда с 13 по 21 декабря включительно», фамилии Мельгорской в котором не значилось. Но при повторном просмотре списка дел, назначенных к слушанию на 21 декабря 1910 года, обнаружилось название дела «О мещанке Анне Калиновской, обвиняемой по 9 и 1 части 1454 статьи Уложения о наказаниях».

Кроме совпадения фамилии и начальной буквы имени, совпали обвинения, предъявленные Анне Калиновской, с преступлением, совершённым артисткой Мельгорской, и возможной за него мерой наказания. Первая часть статьи 1454 гласит, что «нанесение раны с обдуманном заранее намерением лишить жизни есть оконченное покушение на убийство». А девятая часть имеет отношение к статье

1455, не указанной ошибочно в газете, и соответствует мере наказания «лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на время от четырёх до восьми лет». О четырёх годах каторжных работ, грозящих артистке за свой протест, как мы помним, писал И. Туркельтауб. Также в статье 1455 обозначены обстоятельства покушения на убийство, учинённого «хотя не случайно, но в запальчивости или раздражении, и особенно когда раздражение было вызвано насильственными действиями или тяжким оскорблением».

Эти факты позволили сделать вывод о том, что артистка городского театра А.Е. Мельгорская — и мещанка Анна Калиновская — одно и то же лицо. Предполагаемое имя Мельгорской — Елена, под которым она до сих пор фигурирует в рассказах любителей оренбургской старины, не подтверждено на сегодняшний день какими-либо доказательствами.

P.S. В библиотеке государственного архива Оренбургской области сохранились два номера общественно-научно-литературного журнала «Женский вестник», посвящённых равноправию и улучшению положения женщин и так символично отражающих драматичное событие, произошедшее в нашем городе.

На страницах одного из них через месяц после выстрела Мельгорской сообщалось о прошедшем в Санкт-Петербурге в начале декабря 1908 года всероссийском съезде

женщин, впервые собравшихся со всех концов России «после целых тысячелетий молчаливой покорности и безмолвия», чтобы заявить свои требования и права.

В другом выпуске автор статьи «О романических убийствах» В. Холмогорова констатировала возросшее в 1910 году количество убийств, совершённых женщинами в отношении мужчин. «Кровавые расправы» из мести и на почве ревности, по мнению автора, были связаны с повышением чувства собственного достоинства женщины, «не желающей и не могущей мириться с положением вещи, которую можно взять или бросить, смотря по настроению». А «все эти выступления с огнестрельным оружием и кислотами» Холмогорова объяснила «революционным фазисом», находящимся в тесной связи с другими явлениями социальной жизни: конкуренцией на рынке труда, борьбой за политическое равноправие и свободу сексуальных отношений.

Выстрел Мельгорской, символизирующий протест «всех русских женщин вообще и артисток в особенности против насилия мужчин», явился вполне объяснимым для атмосферы того времени поступком. Примеров, подобных оренбургской истории, на страницах российской печати вековой давности более чем достаточно. Однако не стоит забывать, что выстрел в спину нотариусу Пятницкому — это, прежде всего, преступление, ставшее, к сожалению, и в наше время поводом для восторженных и пафосных комментариев.